

УДК 811.111(73)42

Манипуляция в американском политическом дискурсе: лингвопрагматический аспект

А. Б. Алексеев

Алексеев Александр Борисович, аспирант кафедры английской филологии, Московский государственный областной университет, neuausstatten@mail.ru

В статье представлен анализ манипуляции в американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. Утверждается, что манипуляция – это неотъемлемое от речевой деятельности явление, имеющее особую значимость для политиков, явление, которое неправильно рассматривать в исключительно негативной плоскости. В фокусе внимания автора находится эффект манипуляционного воздействия, что предопределяется лингвопрагматическим акцентом предпринятого исследования.

Ключевые слова: манипуляция, политический дискурс, межфреймовый переход, гендерная манипуляция, лингвопрагматика.

Manipulation in the American Political Discourse: The Linguo-Pragmatic Aspect

A. B. Alexeyev

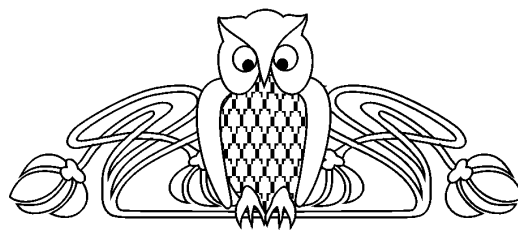
Alexander B. Alexeyev, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>, Moscow Region State University, 10A Radio St., Moscow 105005, Russia, neuausstatten@mail.ru

The article provides an analysis of manipulation in the American political discourse of 2015–2016. It is postulated that manipulation inherently belongs to the people's speech and in particular to the speech of the politicians. In this respect, it is deemed to be wrong to study manipulation in an exclusively negative light. The focus of the research is the effect of the manipulatory impact and this interest is predetermined by the emphasis on the linguo-pragmatic aspects of communication.

Keywords: manipulation, political discourse, interframe conversion, gender manipulation, linguo-pragmatics.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-176-180>

Цель настоящей статьи, с одной стороны, представить обзор средств манипуляции в американском политическом дискурсе 2015–2016 гг., а с другой, предложить лингвопрагматическое видение явления манипуляции, освободив его от отрицательных коннотаций. Исследователи самых различных областей знания приходят к выводу, что традиция рассматривать манипуляцию в контексте корыстного психологического воздействия на адресата не оправдывает себя. Ограниченность традиционного подхода к изучаемому феномену заключается в игнорировании ряда важных функций, которые манипуляция выполняет в самых различных дискурсах, но прежде всего в политическом и рекламном.

Ученые, осуждающие манипуляционные формы интеракции, полагают, что можно обойтись без манипуляции, что ее употребление является демонстрацией недобросовестности оратора, его уловкой. Исследователи фокусируют внимание на средствах защиты адресата, подробно описывая весьма изощренные стратегии, тактики и приемы, к которым прибегают манипуляторы, нередко упуская из вида, что манипуляция может вкрадываться в дискурс на уровне бессознательного. Вслед за рядом зарубежных исследователей мы склонны считать, что манипуляция неотъемлема от речевой деятельности, и поэтому отказаться от нее у современного человека не получится.

Х. Фексеус пишет: «Мне хочется, чтобы, читая, вы помнили: не всегда манипуляция – это плохо. Манипуляция, влияние – это часть нашей жизни, это сопровождает человека на протяжении всей истории его развития ... любая коммуникация – это форма манипуляции»¹.

Схожие мысли высказываются немецким лингвистом Л. Макенсенем: «Мы определили язык как действие ... которое представляет говорящему свободный выбор форм и правил игры; мы пронаблюдали, как интонация, мимика и значимые паузы (молчание) меняют смысл сказанного, мы обсудили переходность слов и сомнительность абстрактных понятий и дефиниций, “правд” и суждений <...> необходимость (привычка?) разыгрывать друг перед другом различные языковые игры лишает нас наивности и заставляет проявлять недоверие к партнеру по коммуникации. Таким образом было создано огромное количество стереотипов <...> мы постоянно употребляем модные слова – исконные и заимствованные – с целью идти в ногу со временем. <...> Почти каждое высказывание – манипуляция»².

Недостаток приведенных трактовок манипуляции в том, что они представляют этот феномен слишком широко. Тем не менее, они выражают важную идею, что манипуляция – это интегративный компонент дискурса, и нет таких людей, которые никогда бы не манипулировали своим собеседником, но бесполезно добиваться от них признания в связи с негативными коннотациями самого слова «манипуляция».

Манипуляция, по всей видимости, возникла одновременно с человеком, послужив предпосылкой его духовного развития и становления языковой способности. «[С] момента зарождения язык стал использоваться с целью воздействия и мани-

пуляции. И наш древний предок, догадавшийся использовать в качестве орудия воздействия слово, а не дубину, был, без сомнения, одним из первых манипуляторов», – убеждена О. И. Иссерс³.

Как свидетельствует А. В. Кузин, современная эпоха характеризуется переходом в манипуляционную парадигму взаимоотношений между людьми. Власть, основанная на принуждении и насилии, так долго довлевшая над личностью в условиях либерализации и демократизации, уступает, на первый взгляд, более гуманному контролю над действиями человека – с помощью манипуляции. Сказать, что это оптимальный путь нельзя, – скорее, оптимальный для сложившихся социальных отношений.

Альтернатива управлению общества посредством манипуляции – субъект-субъектное (в отличие от субъект-объектного) взаимодействие его членов, основанное на партнерстве и диалоге. К сожалению, сегодня «диалог ... предстает не более чем в формальном виде, на деле превращаясь в доминирование и, как следствие, в принуждение или манипуляцию»⁴. Другими словами, приходится признать, что манипуляция остается одним из основных средств публичной коммуникации. И сфера политического дискурса – наглядный тому пример.

В политическом дискурсе манипуляция – это оружие (наше сравнение ресурсов языка с оружием восходит к американскому лингвисту Д. Болинджеру⁵). Существует множество способов манипулирования аудиторией, и политики – сознательно или бессознательно – обращаются к ним, порой достигая поразительных результатов: нелепые, абсурдные, спорные утверждения могут быть приняты за правду. А сам политик, говорящий эту «правду», завоевывает всеобщую любовь и, как следствие, победу на выборах. Обратимся к американскому предвыборному политическому дискурсу с целью анализа лингвопрагматического потенциала манипуляций и выявления дискурсивных средств привнесения в коммуникативное пространство противоречащих здравому смыслу значений.

При манипуляции, таким образом, мы наблюдаем первичность *индивидуального мышления* (манипулятора), которое, как свидетельствуют И. О. Мазирка и Э. А. Сорокина, способно изменить семантическую структуру слова, сделав ее доступной «для восприятия *общественным мышлением*». Исследователи считают, что «под влиянием всех видов мышления (индивидуального, общественного, профессионального, бытового) в семантической структуре слов появляются новые и исчезают устаревшие компоненты значения»⁶.

О. Л. Михалева отмечает, что манипуляции осуществляются посредством *межфреймового перехода*, суть которого заключается в замене коннотаций одного понятия на основании их «поддельвания» под синонимичный данному понятию концепт. Например, с помощью межфреймового

перехода слова «национализм» и «патриотизм» могут фактически приравняться друг к другу:

Да, мы – националисты. Но что такое национализм? Национализм – это любовь к своей нации. ... Это здоровое и крепкое чувство. То чувство и состояние духа народа, которое делает народом, а не скотом, которое делает из народа победителя, хозяина своей земли...⁷

В политическом дискурсе США нами также обнаружены случаи подобного рода. Так, большинство республиканцев настойчиво отрицали реальность глобального потепления, и для того чтобы возвести эту проблему в разряд тривиальных, понятия «климат» и «погода» были со вмещены.

RUBIO: We are not going to make America a harder place to create jobs in order to pursue policies that will do absolutely nothing, nothing to change our climate, to change our weather (2nd Rep. Deb.).

Или: RUBIO: There's never been a time when the climate has not changed. ... as far as a law that we can pass in Washington to change the weather, there's no such thing (12th Rep. Deb.).

Погода изменчива, капризна, а климат, по идее, устойчив: если он и меняется, то только в течение продолжительного времени – веков и тысячелетий. Оратор нивелирует это отличие. Для него климат и погода одно и то же, а значит, глобальное потепление – это выдумка: сегодня потепление, завтра похолодание.

Простой способ манипуляции – употребить слово с широкой семантикой. К таким словам, по мнению О. И. Иссерс, относятся «модернизация», «проект», «диалог» и др.⁸. Все же необходимо сделать оговорку, что, встречаясь с одним из таких понятий, не стоит сразу думать, что вами манипулируют, поскольку «значение не является качеством, присущим словам, но в значительной степени зависит от контекста»⁹.

По нашим наблюдениям, демократы никак не могли договориться о содержательном наполнении слова «прогресс»; это обстоятельство не мешало Х. Клинтон характеризовать себя в качестве прогрессивного, деятельного политика и дискредитировать Б. Сандерса на основании того, что он таковым не является. Субъективные оценки оратора маскировались под объективность, как будто у концепта «прогресс» не множество пониманий.

CLINTON: Well because I am a progressive who gets things done. And the root of that word, progressive, is progress. But I've heard Senator Sanders comments, and it's really caused me to wonder who's left in the progressive wing of the Democratic Party. Under his definition, President Obama is not progressive because he took donations from Wall Street; Vice President Biden is not progressive because she supported Keystone ... But if we're going to get into labels, I don't think it was particularly progressive to vote against the Brady Bill five times. (APPLAUSE) I don't think it was progressive to vote to give gun

makers and sellers immunity. I don't think it was progressive to vote against Ted Kennedy's immigration reform (5th Dem. Deb.).

Активно переосмысливались значения слов «политика», «политик» – они были наделены негативным содержанием. Напротив, обозначение «аутсайдер» оказалось социально востребованным. Но было неясно, кого считать политиком, кого аутсайдером. Приведем несколько примеров.

TRUMP: I've actually been in politics all my life, although I've been on that side as opposed to this side. I'm now a politician for about three months (2nd Rep. Deb.).

Вначале Д. Трамп говорит, что он был в политике всю свою жизнь, а потом утверждает, что его политический «стаж» – три месяца: он якобы находился «по ту сторону политики». Что он имеет в виду, не совсем ясно, – «по ту сторону политики» находится каждый избиратель. Если же подразумевается финансовая поддержка политических деятелей и партий, то это уже, наверное, непосредственная политическая активность, и вести речь «о той стороне» некорректно.

Эффективность таких размытых идентификаций несомненна – адресат сможет сам домыслить их, наполнив их своим (близким ему) пониманием. Те, кто хотят избрать политика, имеют все основания отдать голос за Д. Трампа, ведь он был в политике всю свою жизнь! Те, кто хотят видеть не-политика, тоже могут не жаловаться: Д. Трамп в политике всего три месяца.

Осознавая, как важно, чтобы избиратель сам пришел к нужному выводу, Д. Трамп совсем не утверждал, что он не-политик, а скорее, недоумевал: неужели он стал политиком?! Вопросно-ответная форма подачи информации ориентирует аудиторию на «диалог» с выступающим, создается иллюзия, что дискурсивные смыслы продуцируются оратором совместно с людьми, слушающими его.

TRUMP: I left private business for public life. Do you believe I'm in public life – can you believe this? Am I a politician? I hope not. Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast (Loveland, 03.10.2016).

Впрочем, Х. Клинтон, чувствуя, что традиционным политиком быть невыгодно, тоже прибегала к манипуляциям.

CLINTON: I am not a natural politician, in case you haven't noticed, like my husband or President Obama. So I have a view that I just have to do the best I can, get the results I can, make a difference in people's lives, and hope that people see that I'm fighting for them and that I can improve conditions economically and other ways that will benefit them and their families (8th Dem. Deb.).

На основании чего Х. Клинтон заключает, что она не обычный политик, как ее муж или президент Обама? И что означает выражение *natural politician*?

По нашему мнению, такого рода идентификация была ошибочной. Экс-госсекретарь невольно

способствовала закреплению стереотипа о том, что быть политиком плохо. Если посмотреть на приведенную реплику, то может сложиться впечатление, что Х. Клинтон не обычный политик именно постольку, поскольку она добивается результатов и изменяет жизнь людей к лучшему. И все было бы хорошо, манипуляция удалась бы, если только у оратора получилось бы убедить избирателя в своей уникальности, но у нее имелся в наличии только один аргумент – «я женщина», потому что во всех других отношениях она как раз являлась типичным политиком.

Гендерная манипуляция – мощное средство воздействия на адресата, но злоупотреблять ею в политическом дискурсе не стоит. Во-первых, постоянно акцентируя свою гендерную принадлежность, политик рискует оттолкнуть избирателя противоположного пола. И Д. Трамп хорошо знал, как использовать ситуацию в свою пользу.

TRUMP: She's playing the woman's card, she is going: 'Did you hear that Donald Trump raised his voice while speaking to a woman?' Oh I am sorry, I am sorry. I mean all of the men were petrified to speak to women anymore; we may raise our voice (Spokane, 07.05.2016).

Обратим внимание на подчеркнутые фразы. Выступающий апеллирует непосредственно к мужчинам, к их чувству ущемленного достоинства. Используя прием гиперболизации, он выдвигает тезис, что теперь мужчины боятся говорить с женщинами, боятся повысить голос. И во всем повинна Х. Клинтон, разыгрывающая «козырь женщины»!

Во-вторых, стоит думать, что не все представительницы прекрасного пола были довольны постоянным повторением Х. Клинтон аргумента «я женщина». Современные женщины борются за равноправие с мужчинами и не хотят получать никакие преимущества лишь на основании своей гендерной принадлежности. Они верят, что могут добиться успеха благодаря своим талантам, способностям, упорному труду. Чтобы завоевать их поддержку, Х. Клинтон было недостаточно сказать «я женщина» – такая позиция могла даже раздражать.

Тем не менее, Х. Клинтон неоднократно старалась маргинализироваться по отношению к истеблишменту и политическим элитам.

CLINTON: Well, look, I've got to just jump in here because, honestly, Senator Sanders is the only person who I think would characterize me, a woman running to be the first woman president, as exemplifying the establishment. And I've got to tell you that it is... [applause] ...it is really quite amusing to me (5th Dem. Deb.).

Х. Клинтон называла себя аутсайдером, ведь она женщина!

I can't imagine anyone being more of an outsider than the first woman President. I mean really, let us think about this now (<https://www.youtube.com/watch?v=sXH0zFhCdCU>).

Мы не беремся утверждать, что гендерная манипуляция совсем не действовала. Да, Х. Клинтон следовало делать акцент на том, что в случае победы она будет первой госпожой президентом, – это была беспроигрышная стратегия. Проблема заключалась лишь в том, что, как показывают приведенные примеры, экс-госсекретарь непреднамеренно способствовала созданию отрицательного образа политика, образа, с которым она неизбежно ассоциировалась и от которого тщетно пыталась абстрагироваться.

На наш взгляд, столкнувшись с обвинениями в принадлежности к истеблишменту, Х. Клинтон не стоило уклоняться от ответственности с помощью гендерных манипуляций. По всей видимости, ей надо было бороться против стереотипного, упрощенного, искаженного, мифологизированного видения американцами политических элит – в конце концов, к ним принадлежали многие выдающиеся люди, на чей авторитет и поддержку она могла положиться.

Д. Трамп был талантливым манипулятором. С целью манипуляции, эмоционального давления на противника, выставления его/ее в свете самых негативных характеристик он применял диффамирующие ярлыки, тактику скрытой угрозы, иронию, часто гиперболизируя всю ситуацию, доводя слабости своего соперника до абсурдного, смешного. Тем самым ведущий кандидат реализовывал развлекательную функцию политического дискурса, создавал своеобразное пространство политэйнмента (от politics + entertainment), приковавшее внимание избирателей. В результате даже те люди, которые никогда не интересовались политикой, примыкали к сторонникам Д. Трампа. Ограничимся несколькими примерами.

К Джебу Бушу был приклеен ярлык – неэнергичный, причем экс-губернатор, по словам Д. Трампа, был настолько пассивным, что, смотря на него, можно заснуть.

...a very low-energy person, very-very low energy, so low energy that every time you watch him you fall asleep (Mobile, 21.08.2015).

Подписываясь под обещанием поддержать номинанта Республиканской партии, экс-губернатор Флориды сам заснул!

Jeb Bush, a very low-energy individual, signed a pledge – while he was signing it, he fell asleep (Spokane, 07.05.2016).

Линдси Грэм знает о войне меньше, чем Барон, 10-летний сын Д. Трампа, обучившийся военному искусству, играя в солдатики.

He knows less about the military than my ten year-old son Baron. Baron plays with military soldiers. He knows more about the military (Eugene, 6.05.2016).

Сталкиваясь с осуждением со стороны своих коллег, Д. Трамп прибегал к косвенной агрессии, инсинуациям, переходил в атаку.

PAUL: I think really there's sophomoric quality that's entertaining about Mr. Trump but I am worried,

I am very concerned about having him in charge of the nuclear weapon because I think his response, his visceral response to attack people on their appearance – short, tall, fat, ugly – my goodness, that happened in Juniory! ...

TRUMP: I never attacked him on his look and believe me there's plenty of subject matter right there. (laughter) That I can tell, you (2nd Rep. Deb.).

В подчеркнутой фразе выражен намек на внешность сенатора Р. Пола. Смех аудитории свидетельствует, что ироничная ремарка ведущего кандидата о том, что его противник «лицом не вышел», была воспринята позитивно.

Также характерный для Д. Трампа способ манипуляции – демонстративное нежелание употреблять некорректные выражения, упоминать имя своего соперника и т. п. Причем он тем самым всегда произносит эти выражения, сталкивая в пределах фразы различные смыслы, создавая эффект комического, издеваясь над нормами институционального дискурса и нарушая запреты.

...Bush, just to put an end to that, because I don't want to mention him: he is a very nice person, very low-energy, but very nice (Manassas, 02.12.2015).

Или: *I don't want to say politicians, all talk, no action. But a lot of what we talked about is words and it will be forgotten very quickly (2nd Rep. Deb.).*

Или: *We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice (1st Rep. Deb.).*

Или: *Jeb Bush ... who was a very low-key person, very low-key person, I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy (Eugene, 06.05.2016).*

Или: *She says she is a native American. I won't use word 'Indian' because they say it's not a nice word to use. So I will not say 'Indian' (Eugene, 06.05.2016).*

Против Д. Трампа выступили демократы. Они интерпретировали речевое поведение предполагаемого номинанта Республиканской партии по-своему. Так, Б. Сандерс утверждал, что лидер республиканцев обзывал всех мексиканцев преступниками и насильниками, а всех мусульман – террористами.

And somebody like a Trump comes along and says, "I know the answers. The answer is that all of the Mexicans, they're criminals and rapists, we've got to hate the Mexicans. Those are your enemies. We hate all the Muslims, because all of the Muslims are terrorists. We've got to hate the Muslims" (3rd Dem. Deb.).

Д. Трамп позволял себе очень противоречивые высказывания в адрес национальных и религиозных меньшинств, но он никогда не говорил обо всех их представителях. Напротив, он допускал, что некоторые из нелегально живущих на территории США мигрантов – хорошие люди. Б. Сандерс искажает слова бизнесмена, представляет их как это выгодно ему.

Подводя итоги предпринятому исследованию явления манипуляции в пространстве амери-

канского дискурса, сделаем некоторые выводы. Хотелось бы отметить, что для политика чрезвычайно важно быть талантливым манипулятором, поскольку это мощное средство влияния на аудиторию. Избиратели не склонны воспринимать информацию критически, они готовы поверить харизматичному лидеру, владеющему устным словом, умеющему создавать и конструировать «правду», открывать людям глаза на нее.

С другой стороны, не всякая манипуляция приводит оратора к достижению конечной цели. Иногда манипуляция – это ложное средство претворения в жизнь своих политических амбиций, и политику надо быть предельно осторожным, чтобы манипуляция не обернулось против него самого.

Эта базовая оппозиция эффективной/неэффективной манипуляции нам представляется релевантной в свете изучения особенностей политического дискурса. Традиционно «провал» манипуляции связывается с действиями адресата, который выявляет обман и обезоруживает манипулятора. Нам кажется, что более распространен другой сценарий – политик сам допускает ошибку в способе репрезентации информации и собственной идентификации. Очевидно, что необходимо дальнейшее изучение феномена манипуляции в лингвопрагматическом аспекте, описание не

только различных видов манипуляционного воздействия, но и того, насколько они способствуют успеху/неуспеху политика и по какой причине достигается тот или иной эффект.

Примечания

- ¹ Фексеус Х. Искусство манипуляции. Не дай себя обмануть / пер. со швед. Е. Хохловой. М., 2015. С. 19.
- ² Mackensen L. *Verführung durch Sprache*. München, 1973. S. 96–97.
- ³ Иссерс О. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестн. Омск. ун-та. 1996. Вып. 1. С. 71.
- ⁴ Кузин А. Манипуляция в структуре социального взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2012. С. 59.
- ⁵ См.: Bolinger D. *Language – the Loaded Weapon : The Use and the Abuse of Language Today*. N.Y., 1980.
- ⁶ Мазирка И., Сорокина Э. К вопросу о развитии семантической структуры слов латинского происхождения (латинизмов) // Вестн. МГОУ. 2017. № 5. С. 72.
- ⁷ Михалева О. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009. С. 119.
- ⁸ См.: Иссерс О. Речевое воздействие. М., 2009. С. 95.
- ⁹ Lee D. *Competing Discourses. Perspective and Ideology in Language*. N. Y., 1992. P. 16.

Образец для цитирования:

Алексеев А. Б. Манипуляция в американском политическом дискурсе: лингвопрагматический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 176–180. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-176-180>

Cite this article as:

Alexeyev A. B. Manipulation in the American Political Discourse: The Linguo-Pragmatic Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 176–180 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-176-180>